

Гордое слово — доярка!

Нелёгкое это, оказывается, дело — творчество...

— Ну, как тебя назвать, как? — говорила Надя, обвивая обеими руками шею белой, с чёрными пятнами тёлочки, — вся ты словно ряженая... Постой, постой! Так ты и будешь — Ряженка.

Дальше пошло проще — раз начала определять по внешности, то всё встало на свои места — рыженькая тёлочка отныне стала Рыженкой, пёстренькая — Пестрянкой, самая красивая — Милкой... И только для последней, десятой, Надя сделала исключение — была она «ни в тех, ни в сих», так и появилась на свет Субботка — день-то был субботний...

То, что для иного покажется простым и незначительным — подумаешь, дать клички телятам! — для Нади было делом очень важным и знаменательным, имело свою свою предысторию...

...Надежда Антошина, недавняя выпускница семилетней школы, приняла на колхозной ферме группу молодняка. Приняла, посмотрела на телят, и сердце у неё обмерло — скотный двор был новый, только что построенный, но телята, переведённые сюда... Нет, это были не телята, а тени какие-то — обросшие коростой, захирелые, еле-еле на ногах держатся... Сколько раз сходила она по воду, сколько часов орудовала щёткой и тряпкой, отмывая их, — не помнит... И уже когда считала, что кое-как, для первого раза обиходила, заведующая сказала — на старой ферме из её группы осталась ещё одна тёлочка...

Час от часу не легче! Уж если эти такие, то можно представить, какой была та, последняя... Усталая, еле передвигая ноги, захватив ведро и щётки, Надя зашагал на старый двор...

Так начались для Нади дни новой работы. Трудно было с кормами — конец стойлового периода, не хватало опыта, руки ныли от тяжести вёдер, что десятками приходилось таскать из-под горы, от речки Кубри, но она не сдавалась... Это были её первые трудовые шаги в семнадцатилетней жизни, значит... не хныкать, не отступать...

«Какой характер!» — отметил про себя председатель колхоза, всё внимательнее присматриваясь к Наде. У него и раньше была такая мысль — выдержит девчонка, не сдастся — быть ей дояркой, а следом за ней другую молодёжь собрать. Дело ли иметь колхозу лишь тысячные удои, когда вся страна взялась за подъём животноводства!

...Телята, порученные Наде, вышли на пастбище просто неузнаваемыми — они подросли, и хоть весом не отличались, но были чистенькие, весёлые. И тут председатель объявил — пусть из этой группы телятница Надя выращивает для себя, будущей доярки Надежды Антошиной, дойных коров...

Надо ли говорить, что должно это было начаться с того, чтобы определить, какую как назвать?

И странное дело — все телята для неё стали какими-то иными, а если присмотреться, то каждый имел свой характер: Ряженка — она держится независимо, а Милка — ну, она же, право, лучше всех! — тычется мордочкой в ладонь, требуя хлебной корочки.

...Учились в одной школе четыре подружки — все из одной деревни, все почти одногодки. И все они после семилетки остались в родном колхозе.

Надя первой пошла на ферму телятницей.

— Ну, как? — спрашивали её подруги.

Надя отвечала, что работа ей нравится, честное слово, нравится...

— А чего ты не улыбаешься, если нравится? — приставала одна из подружек, Клава.

Надя изобразила на лице что-то похожее на улыбку.

— Ясно, — отрезала Клава, — улыбается, да не получается...

И подружки пока воздерживались идти на ферму. Но Надя не отступала. Лёд был сломан, когда ей пообещали работу доярки.

— Приходите, девочки, — советовала она подружкам, — вместе веселей будет...

И они пришли — Галя и Клава Ефремовы, сменили на ферме мать Клавы, взяв по группе нетелей. Тамара Фадеева также сменила свою мать, проработавшую на ферме много лет.

Четыре молодые доярки на ферме... Ну и «досталось» же тётке Нюре Клиновой, когда она оказалась в таком сообществе. О чём только девчата не спрашивали её.

— Тётя Нюра, у меня Пестрянка лягается, — сообщала ей Надя и, смущаясь, спрашивала, — что с ней делать-то?

— Не ест у меня тёлка, не ест, — сокрушалась Тамара.

— А как телёночка-то поить? — чуть не со слезами приходила Клава. — Не пьёт он...

Вот и объясняй всё тётя Нюра...

— Да чему вас в школе-то учили? — в сердцах порой вспылит она, но потом отойдёт: знала, сколько лет школа готовила сельскую молодёжь в отрыве от практики колхозного производства.

— Ничего, тётя Нюра, — отшучивались девчата, — вы у нас за профессора будете! И вот ещё тётя Дуня, — указывали они на старую телятницу Горелкину. Имея свою группу из 32 телят, тётя Дуня никогда не отказывалась помочь девчатам.

1957 год. Год, который должен стать переломным в развитии сельского хозяйства. И уже потому, что молодые доярки решили получить более чем по две тысячи килограммов молока от коровы, чувствовалось: за подъём животноводства в колхозе взялись серьёзно. Первый же пастбищный месяц — май — убедил всех, что высокие обязательства доярок — не только слова. Надя Антошина вышла на первое место по ферме, получив на 1 июня 2 400 килограммов молока от коровы. Высокие показатели были у Клавы и Гали Ефремовых, у Тамары Фадеевой...

Подружки берут новые обязательства: получить по три тысячи килограммов молока от коровы. Но Надя Антошина и с этой цифрой не согласна. Когда на межрайонном совещании в Переславле доярки обсуждали, как быстрее догнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения, Надя заявила:

— Получу по 3 500 килограммов.

— Ой, не много ли, — говорили ей подружки, когда она вернулась с совещания.

— Смотрите, девочки, скотный двор у нас какой — одно загляденье, не то, что два года назад: электричество, автопоилки... С кормами тоже в порядке... Значит, всё дело в нас самих — хорошо ухаживать за коровами, соблюдать рацион. Уж если решили с Америкой соревноваться, то сил своих не надо жалеть... А три с половиной тысячи килограммов — это, верно, цифра не маленькая. В июне надо дать пятьсот килограммов, больше пуда каждый день...

В два часа ночи доярки уже на ферме — выдоят коров, отпустят в стадо, вычистят стойла и — на косьбу клевера — одни косят, другие возят зелёную подкормку. С небольшими перерывами до одиннадцати часов вечера доярки трудятся на ферме. Не легко... На помощь приходят старушки, те, которых сменила молодёжь. Шутка ли — в июньские дни Наде, например, только в полдень от своей группы коров надо надоить больше полуцентнера молока — разве управишься одна! Помогает мать — Александра Ивановна. И Клаве помогает мать — Мария Ильинична, и Гале — Мария Андреевна, и Тамаре — Анна Сергеевна... Помогут выдоить коров, присядут в тени, ждут, пока замерят надои. Выполнено обязательство — счастливо улыбаются, гордые за своих дочерей. Не было такого в колхозе, чтобы за год по три тысячи килограммов молока от коровы надаивали.

— Два-три года назад полторы-две тысячи килограммов казались пределом... Вот что значит молодёжь, молодцы девчата!

Молодёжь дерзает, молодёжь выходит на передний край борьбы за подъём животноводства...

...Когда в городах открываются молочные магазины, хочется, чтобы хозяйка, приходя сюда, знала: далеко-далеко, в переславской стороне, в деревне Половецкое, ещё в два часа ночи встала доярка Надя Антошина... Встала, пришла на ферму, чтобы пили горожане молоко в достатке. В клетчатом платочке, концы которого спрятаны под серой жакеткой, вышитый овал воротничка...

На этом, собственно, и можно было кончить рассказ о молодой переславской доярке, о её подружках, которые в первый же год работы добились отличных результатов. Следовало ещё добавить, что Надю Антошину в дни Всемирного фестиваля молодёжи можно будет встретить в Москве — она делегат фестиваля.

Речь в заключение не об этом. Вот говорили мы с Надей о работе — ответы были живые, душевные. Но ведь не одной только работой ограничена жизнь человека. Смотрит ли Надя кино, что читает, как повышает свой культурный уровень? И тут Надя замялась.

— Кино? — переспросила она. — Конечно, интересно бы пойти, но ведь мы работу кончаем поздно.

Расспрашиваем дальше. Если в клубе другое какое-нибудь мероприятие, скажем, лекция — доярки опять не могут на неё попасть. И получается странное дело — говорит лектор о подъёме животноводства, рассказывает о передовом опыте, а те, кто будет решать вопросы подъёма животноводства, его не слушают, те — у себя на ферме. И уж нечего говорить, если, скажем, привезли в магазин какой-нибудь товар — доярки, те, кто составляет славу колхозов, оказываются в самых невыгодных условиях.

Что же, скажут отдельные деятели культпросветучреждений и торговли, для доярок специальные сеансы показывать, торговые фургоны для них снаряжать? В наших инструкциях это не предусмотрено...

Может, в инструкциях всего этого и нет, но если бы и кинофикаторы, и работники торговли, да и члены правления колхоза относились к своей работе так, как относятся к своей доярки, многое можно было изменить. Ходила бы Надя с подругами в кино, не нервничала из-за покупок, да и лекцию слушала бы. Потому, что очень важная эта профессия, которой она владеет, и очень гордое это слово — доярка!

Н. Грибков.
Переславский район.